

НИК ПЕРУМОВ

РОЖДЕНИЕ МАГА

Летописи разлома

Ник Перумов

Рождение Мага

Серия «Миры Упорядоченного»
Серия «Летописи Разлома», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119757

Рождение Мага: Феникс; 2022

ISBN 978-5-222-37078-0

Аннотация

Пророчество мира Эвиал предвещает скорое пришествие Разрушителя. Грядущий Разрушитель сокрушит Завесу Тьмы, которая прорвется в мир и поглотит его. Инквизиция Церкви Спасителя не покладая рук любыми методами пытается его найти и уничтожить.

В этот закрытый, неприглядный мир и забросил Фесса мощный взрыв от встречи двух магических Мечей. Потерявший память и большую часть способностей бывший воин Императора Мельина принимает здесь имя Неясыть. Он становится некромантом, чем привлекает внимание жестокого инквизитора отца Этлау. Но не только врагов приобретает здесь Фесс – вместе с ним в путь отправляются гном Сугутор и орк Прадд.

Боевой маг Клара Хюммель, разыскивающая племянника своей подруги, со своим отрядом застревает в Межреальности.

Чтобы выбраться с этих троп среди миров, они вынуждены принять помощь представителя Дальних Сил. Взамен Клара должна найти спрятанные Фессом Алмазный и Деревянный мечи.

Тем временем из Разлома в Мельине лезут чудовищные твари. Они похищают Сеамни Оэтаканн, невесту Императора. Спасая её, он сам спускается на дно Разлома.

Содержание

Синописис, или Что было раньше	5
Зачин	7
Пролог	11
Глава первая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ник Перумов

Рождение Мага

Синописис, или Что было раньше

Когда в мире Мельина властвовали и вели между собой смертельную борьбу расы гномов и молодых эльфов, иначе называемых также Дану, их мастерами-волшебниками были созданы два магических меча; гномами – Алмазный, или Драгнир, а Дану, властителями лесов, – Деревянный, или Иммельсторн. Вся ярость народов оказалась вложена в эти мечи; и, сойдись они в бою, высвобожденная мощь с лёгкостью уничтожила бы мир. Волею всемогущей судьбы два этих меча пробудились одновременно. Драгниром не без хитрости, коварства и предательства завладел гном Сидри Дромаронг. Иммельсторн захватили маги людской расы, используя рабыню Дану по имени Сеамни Оэтаканн. Во время войны, где все сражались против всех: людская Империя – против Радуги, семи магических орденов, Дану и гномы – против людей и друг против друга, вдобавок началось вторжение странных существ, именовавших себя Создателями Пути; миру Мельина они несли всеобщее уничтожение. В кровавом хаосе всеобщей смуты начали сбываться зловещие Пророчества Разрушения, Алмазный и Деревянный Ме-

чи уверенно шли навстречу друг другу, неся с собой смерть и уничтожение.

Среди сподвижников Императора людей был некто Фесс, молодой воин и волшебник, рождённый вдалеке от плоти того мира, где ему пришлось сражаться. Он происходил из загадочной Долины магов, таинственного места в Между-мирье, где испокон веку жили одни из сильнейших чароде-ев Упорядоченного. Фессу давно прискучила размеренная жизнь Долины; он покинул её, сделавшись воином и про-знатчиком Императора в мире Мельина.

Фесс оказался тем единственным, кто в воцарившейся су-мятице сумел-таки понять, что же нужно делать. В завязав-шемся сражении, когда легионы Мельинской Империи со-шлись с воинством гномов, несших с собой Драгнир, и от-рядом Дану, направляемых и ободряемых Иммельсторном, Фессу удалось оказаться рядом со столкнувшимися наконец в последнем бою Алмазным и Деревянными Мечами...¹

¹ Об этих и других событиях подробно рассказано в романе «Алмазный Меч, Деревянный Меч».

Зачин

Фесс неподвижно висел в пустоте Междумирья, с трудом приходя в себя после так и не достигшего Долины заклатья.

Едва ли ему дадут уйти невозбранно. Если правда всё то, что он вполуха слушал на занятиях ещё дома, в Долине, если правда то, о чём нехотя, намёками да экивоками иногда говорила Клара,² если правдивы его собственные предчувствия – то в покое его не оставят. Фесс не льстил себе. Против *такой* мощи ему, одиночке, не выстоять, особенно здесь, в пустоте, в Межреальности, где бесполезны все его боевые навыки и где спор идёт на языке чистой магии, в которой ему, что греха таить, далеко до той же Сежес,³ не говоря уж...

И, если всё-таки тут допущена ошибка, уж лучше пусть он потом поломает себе ноги и до крови сотрёт руки, чем в одночасье лишится головы. Потому что никогда нельзя с уверенностью сказать, на что окажутся способны враги, обладающие магическими способностями, тем более такими, как у мельинского сообщества магов, семицветной Радуги.

Так что уж лучше он поостережётся.

Фесс перевёл дух и начал работать. И работал до тех пор,

² Клара Хюммель – персонаж романа «Алмазный Меч, Деревянный меч», жительница Долины магов, могущественная волшебница, боевой маг по найму, глава Гильдии боевых магов, наставница Фесса.

³ Сежес – маг, глава одного из Орден Радуги.

пока ослепительная вспышка боли не возвестила о том, что кое-что ему удалось.

* * *

...Фесс падал. Чёрная воронка стремительно засасывала его, спелёнутый мраком, беспомощный, ещё не пришедший в себя после отдачи от низринувшегося в пустоту разрушительного заклятия, он не мог бороться. Он чувствовал, как в него вперились горящие ненавистью, раскалённые взгляды; шесть существ, шесть могущественных сущностей смотрели на него, и для этих взоров не были преградой ни Реальность, ни Междумирье. Ему захотелось исчезнуть, превратиться в мельчайшую частицу сущего, скрыться там, на самом дне мироздания; страх, какой ему ещё не доводилось переживать, рвал на части душу; ослепшие глаза не видели ничего, кроме тянущихся к нему сквозь мировые провалы шести парных огненных нитей – как будто вражьи взгляды внезапно обрели плоть.

Безжалостная сила мяла и рвала его, чужие невидимые пальцы норовили пробраться вглубь, разворошить память, вывернуть её наизнанку, безжалостно и раздражённо вытрясти всё мало-мальски ценное, подобно ночному грабителю, вместо тугого купеческого кошелья случайно ухватившему рваную суму уличной попрошайки. Однако грабитель чувствует, что на самом дне, под грязной ветошью, корками и

медяками спрятан золотой, большой, настоящий золотой, – и потому не унимается. Фесс не сопротивлялся. Он даже ощутил нечто вроде гордости – сумел, предвидел, предугадал, Клара Хюммель осталась бы им довольна. Ощутил – и тотчас же изорвал предательскую мысль в мелкие клочки и вышвырнул прочь из сознания. Если учуют – беда, все труды насмарку. Но как же быстро, однако, его отыскивали! Наверное, следили специально, не упускали из виду – потому что по одному только астральному следу так быстро найти его невозможно. По крайней мере, он о способных на такое не слышал, но мало ли о чём он никогда не слышал!

Тем временем продолжало работать его собственное заклятие, нужно было продержаться ещё немного, ещё чуточку – прежде чем *они* заметят и нанесут ответный удар. Залог успеха – стремительность и неожиданность. Лобового столкновения ему не выдержать, как храбрая, но вооружённая лишь луками да стрелами пехота не выдержит фронтального удара окольчуженной конницы с длинными пиками.

Падение превратилось в полёт. Сердце готово было птицей вырваться из груди – что делать, плоть слаба; но, если ему удастся продержаться, *они*, кем бы ни оказались, не допустят его гибели. Разъяв опоры Межреальности у него под ногами, *они* рассчитывали на естественный для человека ужас, потерю себя; *они* рассчитывали даром заполучить то, что хотели, – он не поддался. И теперь *им* оставался только один путь – долгий, обходной и трудный. Правда, и он, Фесс,

увы, не останется прежним – слишком уж велика цена.

И когда сознание начало наконец гаснуть, он успел заметить, что падение приостановилось. Те, что умели жонглировать слоями Межреальности, словно детскими игрушками, признали своё поражение. Точно подушку, долженствующую смягчить падение, они подсовывали Фессу мир.

Он ещё не успел порадоваться победе, не успел блаженно смежить веки, проваливаясь в мрак спасительного забытья, когда они нанесли ещё один, последний удар, оказавшийся самым страшным.

«Тысячами незримых нитей обвивает тебя Закон. Разрубишь одну – преступник. Десять – смертник. Все – Бог!»

Эвенгар Салладорский, основатель Школы Тьмы.

(Извлечено из преданного анафеме и сожжению трактата «О сущности инобытия», Салладор, 1176 год от Пришествия)

Пролог

Море Ветров оправдывало своё название. Третьи сутки, не переставая, свирепствовал ветер; на море он поднял бурю, на сушу же обрушил потоки ледяного ливня, смешанного с острым градом. Впрочем, непогоде удивляться не приходилось. Весна на побережье Северного Клыка приходила поздно, тундра в предгорьях расцветала, словно торопясь взять всё, что можно, от коротких тёплых дней; зато вне защиты гор, на обращённом к вечному льду побережье, холодный ветер брал реванш за краткое отступление.

Невозможно было даже понять, ночь сейчас или день – небо закрыли тучи столь плотные и чёрные, что солнечный свет совершенно померк; серо-зелёные валы, взяв разбег, с нерастрчиваемой яростью штурмовали гранитные бастионы прибрежных скал, и, судя по обилию острых каменных обломков в кипящей белой полосе прибоя, штурм этот частенько венчался успехом.

Открытая всем ветрам, на исполинском красноватом утёсе, добрых пять сотен локтей высоты над бушующим морем, стояла древняя башня, сложенная из покрытого седым серым мхом дикого камня. Несмотря на годы, башня не поддавалась ни ливням, ни ветрам; и, несмотря на царившее вокруг запустение, в верхнем оконце башни горел огонёк. Тонкий лучик света пробивался сквозь узкую щель в тяжёлых став-

нях; и это был один-единственный огонь на много-много лиг вдоль Северного Клыка и дальше, по бесплодным и унылым тундрам.

В верхнем покое ровным светом горела магическая хрустальная лучина; яснее ясного, что обитатель этой башни был чародеем. За столом, склонившись над желтоватым пергаментом, сидел высокий сутулый старик, лысый, с редкой неопрятной бородой, свисавшей на стол длинными засаленными прядями. Старик что-то очень старательно писал; выводя вычурные руны Древней Речи, он, словно школяр, склонял голову набок и высовывал язык. Перо ползло еле-еле, правда, штрихи, росчерки и завитушки складывались в неправдоподобно правильные начертания рун, каким позавидовал бы и сам мастер Каллиграф, декан соответствующего (ныне, впрочем, увы, упразднённого за ненадобностью) факультета Академии, который за глаза студиязусы с профессорами презрительно именовали не иначе, как «школа чистописания». Ну скажите на милость, кому сейчас нужна архаичная, вырождающаяся магия рун, где малейший волосяной штрих, лёгший не так, как надо, может полностью извратить заклятие?

«Эх, Парри, Парри, только в чистописании-то ты и преуспел, – горько подумал старик. – Вот и сиди, доживай теперь свой век на краю света, где только с моржами да крачками и поговоришь. И делать здесь совершенно нечего, прорыв может произойти где угодно, только не здесь – иначе сюда от-

правили бы кого помоложе. Да не одного, а пару-тройку. Эх, да что там говорить, если всё, что тебе оставили, – писать никому не нужные донесения!»

«За истекшие сутки на вверенном Вашей Милостью моему попечению участке ничего существенного не произошло... Отмечены перемещения: упырей снежных – две единицы, гадов перепончатых пролётных – шесть единиц. Изменений в астральной составляющей не отмечено. Астралозависимых существ не отмечено. Старший наблюдатель Парри, башня Сим, Северный Клык». Дата, подпись. Когда-то от подписи Парри приходил в восторг сам престарелый мастер Каллиграф, суля своему любимому ученику если не всемирную славу мага рун, то, по крайней мере, тёплое местечко на кафедре – сперва ассессора, потом адъюнкта, а потом – чем Тьма не шутит? – так даже и профессора. Пусть не полного, хотя бы приданного, но и это уже казалось молодому тогда Парри блестящей карьерой. И где все эти мечты?.. Где честолюбивые планы в один прекрасный день совершить наконец нечто такое, отчего к любимой магии рун, магии начертанных знаков враз вернётся её прежнее высокое положение?.. Всё погибло, всё растаяло, всё развеялось, подобно тому сакраментальному «дыму под ветром», и теперь удел Парри – ломота в суставах и неотвратимое чувство приближающегося *приближения* (о, мастер Каллиграф, прости мне этот оборот!). И осознание, что жизнь – позади и всё, что осталось, – это угрюмый каменный покой, изморозь по углам, источен-

ная жуками мебель (Парри так и не удалось подобрать соответствующего рунного заклинания, а иные, из других областей, в его исполнении попросту не сработали), скудные припасы, мрак, мгла, одиночество... Другие, ещё более бес-талантные маги, но сумевшие остаться пусть даже на самой ничтожной должностишке в цивилизованных и населённых местах, могли, по крайней мере, рассчитывать на то, что сумеют найти нового адепта, способного к обучению аколита. Конклав высоко ценил каждого открытого неопита, пусть даже тому и не удавалось поступить в Академию или же он оказывался отчислен после первого же семестра. Но в таких местах, как Северный Клык, мечтать об открытии аколита не приходится – скорее уж ему, Парри, повезёт первым засечь начавшийся прорыв.

Однако вспыхнувшая надежда оказалась настолько острой, Парри настолько явно представил себе, как в дверь его стучится... ну, скажем, заброшенный сюда бурей мореход с Волчьих островов, и Парри смотрит на него и видит...

Рука волшебника сама потянулась и открыла потайной ящик. Старый стол давно скособочился и разохся, ящик удалось вытянуть лишь с большим трудом – на изрядно обтрёпанном, вытертом чёрном бархате лежало простое серебряное кольцо, без всяких камней, украшенное лишь одним гербом Парри, гербом, который безродный сын сапожника из южного Эбина получил, закончив Академию.

Парри осторожно коснулся пальцами чёрнёного серебра.

Кольцо аколита. Его он вручил бы тому, в ком ощутится Сила, достаточная, чтобы посягнуть на обучение в Академии. Неофит придёт на поступление, имея это кольцо на пальце – одно-единственное простое кольцо вместо всяких там рекомендательных писем и тому подобного. Кольцо послужит и пропуском, и проводником. Его невозможно ни украсть, ни подменить, ни потерять. Никакой другой человек, пусть и втрое сильнее, не сможет им воспользоваться. Именно по этому кольцу ректорат и определит, кто конкретно послал ученика, кто первым открыл в нём дар чародейства. Сумевшему совершить такое полагалась награда. Самое меньшее, на что мог рассчитывать Парри, – перевод из этих Спасителем проклятых мест куда-нибудь на юг, в Мекамп или Эгест; да что там Мекамп или Эгест! Парри согласился бы и на жаркий Кинт, и на заносчивый Салладор, лишь бы выбраться отсюда. А уж Семиградье или Империю он воспринял бы как наивысшее блаженство.

Старик всхлипнул. О чём он мечтает, о чём? Здесь нет и неоткуда взяться ни единому живому существу. Моряки Волчьих островов не заходят за Северный Клык – в тундре не с кого брать добычу, а китов с моржами проще и ближе добывать южнее и западнее. Вдобавок ярлы и таны морского народа не скупаются, и потому у них на службе всегда самые лучшие мастера погоды, каких только можно найти за деньги и какие соглашаются служить этому разбойному племени, – впрочем, надо сказать, что отказывали им весьма и весьма

редко.

Парри медленно задвинул жалобно скрипнувший ящик. Наверное, он так и умрёт здесь, в круглой комнате с голыми каменными стенами, при одном взгляде на которые хочется немедленно повеситься. Кольцо останется лежать невостребованным – точнее, его востребуют только люди из ведомства мастера Архивариуса, едва лишь известие о его смерти дойдёт до Академии. Парри представил – чужие руки, открывающие стол, касающиеся постаревшего серебра... потом кольцо навеки упокоится в недрах необъятного хозяйства архивистов, и о нём, Парри, сотрётся последняя память.

Несколько минут старик сидел неподвижно, заледеневшим взглядом смотря на пляшущий язычок холодного яркого огня. Потом вздохнул и вновь взялся за письмо. Что бы он ни думал, долг перед Академией должен быть выполнен сполна.

Парри несколько раз перечитал короткий текст. Парой неуловимых движений, едва касаясь пером, подправил какую-то руну. Пониже собственной подписи поставил число – 11 марта 1497 года от Пришествия. Теперь всё было готово. Оставалось только воспользоваться кристаллом – хвала богам старым, новым и вообще всем, какие только есть, тут ему не придется напрягаться. Академия предусмотрительно снабжает своих наблюдателей, разбросанных по всей необъятной Ойкумене, такими вот артефактами, позволяющими в мгновение ока перенести в Ордос любое послание.

Правда, ни на что другое красивые голубые камни способны не были, но для Парри и это являлось спасением.

Само чародейство было не из сложных. Фактически с ним справился бы любой неофит, если б не запрет Академии, не покупившейся на охранные заклятия. Парри аккуратно положил кристалл поверх желтоватого свитка, привычно закрыл глаза и сосредоточился.

Хрустальный светец внезапно мигнул. Холодное негасимое пламя заметалось, словно в панике, и в следующий миг погасло. Парри оторопел, так и замерев с полуоткрытым ртом – на свете *не существовало* силы, способной преодолеть это заклятие, сплетённое в позабытые времена ещё самым первым Магом. Даже всемогущая Тьма, о которой истинные чародеи боятся даже и думать, не способна на такое.

Спустя мгновение лучинка засветилась вновь. Прежним, успокоительным, мирным светом. Однако от этого Парри стало ещё хуже. Дрожащими руками старик уже срывал одну за другой покрытые пылью печати со старинных свитков – его собственный заветный арсенал, приберегавшийся на случай истинного *прорыва* и вот наконец дождавшийся своего часа.

Тьма пошла в атаку. А он так надеялся, что...

Вой ветра за ставнями сменился рвущим слух грохотом. Щели полыхнули белым, словно при вспышке молнии. Башня содрогнулась от фундамента до венчавшего её острого железного шпиля – однако в следующий миг всё стихло. Ру-

ки Парри замерли, уже готовые развернуть один из свитков; но мгновения текли, всё оставалось спокойно, снова завыл ветер, ровно горел хрустальный светец, и замерший над рунами маг вновь ощутил спокойное, незамутнённое течение Силы. Астрал вновь замер во всегдашнем своём хаосе, как бы ни казались противоположными по смыслу эти слова: «замер» и «в хаосе».

А ещё несколько мгновений спустя кто-то изо всех сил забарабанил в дверь башни. Остолбенеv и не доверяя себе, Парри воззрился на стоявшую в углу хитроумную установку – переплетение зубчатых колёс, нагревательных колб, противовесов, червячных передач и обратных холодильников; от этого устройства пришёл бы в ужас мастер Алхимик, однако машина, в чьём сердце скрывался кристалл, зачарованный самим ректором Академии, а в колбах кипели не имевшие названий на старых человеческих языках субстанции, – машина эта умела чётко опознавать тварей *прорыва*, и в этом Парри вполне полагался на неё.

Как и положено, машина пребывала в покое. Судя по всему, никакого *прорыва* и впрямь нет. А стучится в двери его...

Парри взял в руки светец и начал спускаться по лестнице. Из трёх ярусов башни жилым был только один, самый верхний; в двух других хранились припасы и ещё какой-то хлам, разобрать который у старика никогда не доходили руки, хотя, казалось бы, особых дел у него не наблюдалось и простой человек, наверное, просто помер бы тут со скуки. Простой

человек, но не волшебник, пусть даже выпускник факультета рунной магии, давным-давно превращённого в заштатную кафедру.

Дверь башни, тяжеленная, из старой наговорной бронзы, была заперта на три засова. По углам скопилась наледь, Парри мгновенно продрог до костей – тепло держалось лишь в самом верхнем ярусе его обиталища.

– Кого там Тьма несёт? – придавая голосу пристойную строгость, что было сил крикнул он.

Неистовый стук в дверь прекратился. Тот, кто был снаружи, что-то ответил, но на каком-то странном языке, Парри не разобрал ни одного слова. Правда, в интонациях ошибиться было невозможно – ночной гость просил убежища. И он явно замерзал.

Но откуда же он взялся тут, в ледяной пустыне, где почти всюду ещё не тронутый оттепелями снег?..

Догадка пришла сама собой – а не появление ли этого гостя возвещало так напугавшее Парри возмущение магических сил? Но тогда – кто он такой? Посыльный Академии? Вздор, тогда использовалось бы совсем иное волшебство.

Парри заколебался. Открыть дверь Тьма ведаёт кому?..

Отчаянный стук в дверь возобновился. Гость что-то выкрикивал, слова оставались непонятны, но ужас и боль Парри чувствовал безошибочно. Пришелец не искал боя или добычи, он сам нуждался в защите и тепле; помедлив ещё чуть-чуть, Парри наконец отодвинул засовы.

Ворвалось облако пара, и, с трудом шагнув через высокий порог, на полу башни распростёрся полуголый человек в лохмотьях, какой никогда бы не смог сам добраться до Северного Клыка холодной здешней весной.

Парри поспешно задвинул засовы и подхватил упавшего под руки. Открылось бледное, совсем ещё молодое лицо, совершенно седые, несмотря на невеликие года, волосы над высоким лбом; кожа маслянисто блестела. Кажется, парень не успел всерьёз обморозиться, подумал Парри и, пыхтя, потащил тяжёлое тело вверх по лестнице.

Всё дальнейшее руки старика уже делали сами. Горячий эликсир, несколько рунных свитков (Парри не без гордости подумал, что руки у него по-прежнему не дрожат, когда и впрямь доходит до *дела*) – и парень, застонав, открыл глаза.

– Всё хорошо, всё хорошо, мальчик, – ласковым голосом сказал Парри. – Всё в порядке, только полежи смирно, полежи тихо, пока снадобье подействует...

Было совершенно неважно, что именно говорить, лишь бы это звучало успокоительно и дружелюбно. Парри старался не делать резких движений – гость поразительно быстро приходил в себя, никаких следов холодового шока, никаких следов шока от магии...

От *магии*?! Стоп! Парри с трудом заставил себя подняться со стула спокойно и размеренно, а не вскочить и броситься, несмотря на донимающие боли в спине и ногах.

Дрожащими руками Парри достал из потайного ящичка

заветное серебряное кольцо. Надел юноше на палец – и серебро отозвалось глубоким мелодичным звоном, словно кто-то ударил в небольшой колокол. Извивы на гербе засветились мягким жемчужным светом.

Парри без сил рухнул обратно на стул. Так и есть. Ну конечно же. Как он сразу не догадался – парень наделён способностью чувствовать и использовать Силу.

Конечно, Парри поступил так только из-за полной безнадёжности – кольцом аколита нельзя было проверять каждого встречного и поперечного. Ищущий учеников для Академии маг обязан был сперва долго приглядываться, присматриваться, осторожно, что называется, «по касательной» прощупывать подающего надежды; кольцо пускали в ход, лишь когда надо было вынести окончательный вердикт. Вместо использованного Академия присылала удачливому в поисках чародею новое; но если силы кольца оказывались растрочены впустую, неприятностей не избежать, и притом достаточно крупных. Ссылка в дикие места, подобные Северному Клыкку, ещё могла рассматриваться как милость.

– Великий Свет, – истово взмолился Парри, – сделай так, чтобы он был *пригоден!*..

Парень недоумённо следил за действиями старика. Однако влитое в гостя снадобье начинало действовать, отяжелевшие веки закрывались; несколько мгновений спустя человек крепко спал. А Парри, забыв о сне и пище, выпотрошив все свои запасы пергамента, стремительно чертил всё новые и

новые руны. Он хотел знать всё, но главным образом – способен ли этот странный гость стать учеником. Старика не особенно интересовало ни то, откуда этот человек взялся, ни что ему здесь надо. Представился отличный шанс вырваться из этого ледяного плена; а что там будет дальше – пусть разбираются милорд ректор с деканами. Он, Парри, должен получить позволение переселиться в более благополучные края; о дальнейшем же можно не думать. Как бы там ни было, умирать здесь, в нищете и забвении, на Северном Клыке, старик не хотел.

За окнами не унималась буря. Парри потерял счёт времени, забыл о сне и еде. Обложившись свитками, он чертил, считал и вычислял. Цифры тоже могут оказаться полезными, даже в таком деле, как магия, – и чем дальше скользило перо, тем светлее становилось на душе Парри.

Да, этот мальчишка был магом. Сильным магом, с прекрасными задатками. Академия могла сделать из него хорошего погодника, толкового мастера полей, деятельного строителя, чьи здания не обвалятся и не рухнут, хоть бей в них тараном, и где огонь будет умирать сам, без вмешательства пожарных. И Академии будет совершенно неважно, как и откуда он попал сюда. Этим займутся специалисты, мастера проникновения в неведомое – в то время как сам мальчик станет честно исполнять свой долг... или нечестно, но к Парри это уже никакого отношения иметь не будет.

Но для этого оставалось выяснить ещё кое-что. Мечты

Парри были прекрасны, нужно было лишь, чтобы его гость *позволил* проделать всё это с собой, – а принимая во внимание обстоятельства его появления здесь, уверенным нельзя было быть ни в чём.

И потому Парри потратил несколько часов на вычерчивание умопомрачительно сложной комбинации рун, чего ему не приходилось проделывать с молодости; однако мастер Каллиграф наверняка остался бы доволен своим лучшим учеником, память Парри цепко хранила все потребные сведения.

Когда за окнами наконец забрезжил слабый и робкий свет, Парри уже знал всё, что ему было нужно. Знал – и едва удерживался от того, чтобы не пуститься в пляс.

Он тщательно приготовился к тому моменту, когда его гость проснётся. Все, прошедшие Академию, – хорошие знатоки языков и наречий; они умели объясниться, даже если речь собеседника оказывалась совершенно непонятной.

Наконец парень открыл глаза. Парри не без удовольствия отметил, что взгляд у его гостя совершенно осмысленный, однако, как и положено, несколько растерянный. Наморщив лоб, юноша переводил глаза с ласково улыбающегося Парри на собственную руку и обратно.

– Парри, – сказал старик, прижимая руку к сердцу. – А ты кто? – И он тем же жестом приложил ладонь гостя к его груди.

Тот на миг замешкался, однако быстро сообразил, что от

него хотят. Уже открыл рот, чтобы назвать своё имя... и внезапно осекся, словно налетев на всём ходу на незримую преграду. Недоумённо потёр лоб. Помассировал виски. Потряс головой; словом, проделал всё то, что обычно делает человек, внезапно забывший своё собственное имя.

Парри удовлетворённо вздохнул. Он не ошибся, рунная магия не ошиблась, и прав был мастер Каллиграф, предсказывая ему, Парри, большое будущее! Мальчишка побывал под прессом какого-то страшного, навек впечатавшегося в него заклятия; и, если верить рунам, память у ночного гостя сейчас оказывалась очень и очень прореженной. Он не должен был помнить ни себя, ни своего прошлого, ни даже своего имени. Он ничего бы не смог рассказать о том, откуда он взялся здесь, зачем явился и куда направляется. Разумеется, если как следует покопаться в его глубинной памяти, что-нибудь, возможно, и откроется – но эти высокие материи были уже не по плечу скромному магу-каллиграфу. Парень, конечно же, не превратился в младенца, и вызнать кое-что о его прошлом можно, просто понаблюдав за тем, что у него будет получаться лучше всего. Но это в задачу Парри уже не входило. Сейчас самое главное – научить чужака хоть немного говорить на эбине, широко распространившемся имперском языке, имевшем хождение от Волчьих островов до Огненного архипелага и от Утонувшего Краба до Восточной Стены. Пусть об остальном болит голова у достопочтенных завсегдатаев Ордоса. Ему, Парри, нужно просто выбраться отсю-

да. Тьма, Тьма и ещё раз Тьма, даже если этот парень – сам Разрушитель во плоти, ему, Парри, это всё равно. Он успеет умереть в довольстве, тепле и уюте прежде, чем кошмар Последнего Дня сделается реальностью.

Старик вздохнул, пододвинул поближе к лежанке старый скрипучий стул и протянул вовремя пришедшему гостю миску с горячей похлёбкой. Парень благодарно кивнул, неловко улыбнулся и взял ложку. Парри усмехнулся. Через месяц этот молодчик у него заговорит по-имперски; пусть и не как сенатский ритор, на уровне варвара с мекампского пограничья – на первое время сойдет. А что будет дальше – не его, Парри, забота.

Серебряное кольцо, ставшее внезапно очень тяжёлым, приятно оттягивало карман старика.

* * *

Он шёл безостановочно и без усталости. Казалось, земля сама текла ему под ноги, препятствия и преграды он оставлял позади играючи. Горы расступались, в непроходимых чащобах внезапно находились тропки, реки послушно подставляли твердые спины бродов. Он покинул Северный Клык в разгар короткого приполярного лета, оставил позади переполненные птицами тундры, перевалил через невысокие восточные отроги Железного Хребта и двинулся дальше, по самой границе Вечного леса и вплотную подступившей тут к нему

Великой Степи. Трудно сказать, какие силы извели лес на огромных пространствах, на которых следовало бы простирается дремучей тайге, – однако вместо чащоб и буреломов тут колыхалось целое море невысоких трав, солнце здесь было ещё слишком слабым, чтобы взрастить настоящее степное изобилие. Замекампские варвары сюда заходили редко – охота плохая, добычи мало. Они предпочитали «добывать зипуны», как выразился Парри, на мекампской границе, где легко можно было получить арбалетную стрелу с дозорной башни, но так же легко – при удаче – можно было и обогатиться.

Он не боялся. Старик Парри замучил его советами, как вернее избежать подстерегавших и в степи, и в лесу опасностей; как обмануть бдительность выползающих ночами на степной окоём огров, подстерегающих случайно забредший табун диких онагров, порой уходивших за сотни лиг от обычных своих путей; как укрыться от эльфийского дозора, молчаливого и беспощадного, чьи отравленные стрелы разят без промаха и к чьим ядам ещё никому не удалось подобрать противоядий; как следует разговаривать с тёмными эльфами Нарна, если повезёт встретить их отряд, чтобы они позволили идти с ними; и, наконец, как и с кем надлежит держать себя и вести беседы, когда доберёшься до Мекампа. Он запомнил всё, у него оказалась превосходная память; освобождённый от груза воспоминаний, но не от своих способностей, он впитывал этот мир в себя, как губка.

Ему неожиданно стало легко. Несмотря ни на что, он помнил своё *настоящее* имя. Четыре буквы, короткое слово, более похожее на кличку для лошади или охотничьего пса, – Фесс. Он помнил, что был воином; помнил, что владел магией, – но здесь, в странном мире, который его обитатели называли Эвиал, от «вместилище жизни» на древнесалладорском языке, праматери всех остальных наречий, его мастерство не действовало. Он помнил – неотступно помнил! – свою цель: вернуться домой. Была и ещё какая-то, вторая, тоже очень важная; но катастрофа стерла её, увы, напрочь.

Как ни странно, он помнил последние мгновения перед тем, как угасло сознание и память, точно худое решето, удержало в себе лишь редкие капли случайно сохранившихся воспоминаний, до которых не смог дотянуться въедливый старик Парри со своей дремучей, но, увы, порой весьма действенной рунической волшбой.

Фесс очень смутно помнил последнюю войну, в которой участвовал. Всплывали очертания каких-то башен, горящие здания, белый снег, на котором столкнулись в жестоком бою закованные в сталь легионы; он помнил лицо человека, кого привык называть Императором, но больше – ничего. Он не смог бы сказать, из-за чего вспыхнула та война и кто в ней победил. Он вполне допускал мысль, что проиграть могла и та сторона, за которую сражался он, Фесс, – иначе зачем бы ему было без памяти бежать так далеко?

Он не забыл и не утратил ничего из того, что составля-

ло когда-то его личность – чему-то в этом мире он радовался, что-то заставляло его негодовать, что-то, как и положено, оставляло равнодушным. Впервые за много лет он мог не прятаться за *личиной*, мог быть самим собой, забыв о легендах и прикрытиях. Он понимал, а не помнил, что до *катастрофы* был скорее всего шпионом, и притом очень хорошим – тренированный глаз сам отмечал удобные пути для войска, места днёвок и ночлегов, водопой для лошадей и прочее; и хорошо, хорошо, хорошо, что Парри до этого так и не смог добраться!..

Пока что Фессу не было особенного дела до того, что творится в этом мире. Однако он знал: чтобы вновь стать *человеком*, ему надо будет пройти через сумерки бытия – быть может, тогда он *вспомнит*. Он не сомневался, он *знал*, что когда-то ему уже пришлось проходить через подобное – на поджаром жилистом теле, отнюдь не столь же молодом, как обманчиво-чистое и свежее лицо, остались шрамы. Когда и при каких обстоятельствах он получил их, Фесс не помнил. Может, и на последней войне, хотя нет, едва ли, слишком старые. «Весь набор, – проворчал Парри, когда разглядел его как следует. – Мечи, сабли, стрелы... копья... а есть и такие, что я и определить-то не берусь. Ты часом не из Храма ли будешь, парень?..»

Вопрос Парри тогда остался без ответа. Уже много после он сам стал спрашивать своего спасителя, в том числе и про загадочный Храм, однако узнал немного. Есть вроде бы та-

кая община, где-то на юго-востоке, за Салладором, за Восточной Стеной, на полпути в восходные страны; готовят там якобы великих, непобедимых бойцов, над которыми безраздельно властвует некий старец-настоятель. От этих воинов нет ни защиты, ни спасения, они разят и исчезают в ночи, словно призраки; зачастую им удаётся одолеть даже не слишком сложную магическую защиту.

Парри долго ворожил над своим гостем, однако так ничего и не выяснил. Тайна осталась нераскрытой и теперь манила, словно сладкий густой мёд; одна из множества, которые ему предстояло раскрыть.

А пока что Фесс отмерял крепкими ногами лигу за лигой, иногда походя сбивая тупой охоничьей стрелой неосторожную птицу – до сезона большой добычи было ещё далеко, но голод, как известно, – не тётка. Старик Парри при всём желании не мог снабдить своего посланца припасами не то что на весь долгий путь, но и даже до мекампских рубежей.

По левую руку, за бескрайними степными разливами, вставали зори; закаты робко разгорались справа, над чёрными стенами Вечного леса; впереди бы целый мир, и неважно – сейчас неважно, – как именно он сюда попал; в свой черёд он найдёт ответы на все вопросы. Он был одинок, силён и свободен; ничто не стояло между ним и его желаниями; он знал, что хорошо владеет оружием и, не колеблясь, пустит его в ход.

Такие люди, как правило, становятся либо героями, либо

преступниками.

Откуда-то в памяти всплывали стихотворные строчки – на чужом языке неведомых стран, откуда его выдернула, бросив на бесплодный Северный Клык, во мрак и стужу подходившей к концу полярной ночи столь же неведомая сила.

В оный день он найдёт тех, кто сделал это, и они заплатят ему. Не окажись он подле башни старика Парри, ему настал бы конец – нагота не слишком подходящий наряд для прогулок по северной тундре.

После мекампской границы ему следовало повернуть на запад. Примерно неделя пути по хорошим дорогам королевства – и он достигнет побережья Моря Призраков. В Мекампе начинается множество морских путей, ему не составит труда найти корабль, идущий в Ордос. Капитаны не берут платы с направляющихся в Академию с Кольцом ученика. Корабль пройдёт мимо берегов Эгеста и Аркина, минует богатые приморские равнины империи Эбин, обогнёт небольшой полуостров Изгиба, и глазам моряков откроются портовые башни Ордоса, золочёные, сверкающие, словно огни маяков. Их островерхие крыши укажут путь среди мелей и рифов, явно не случайно появившихся здесь уже после того, как город отошёл Академии Высокого Волшебства.

А потом всё устроится самым наилучшим образом.

Он, конечно, догадывался, что донесение Парри будет внимательнейшим образом изучено. Но, разумеется, он не мог слышать тех слов, что звучали в торжественном и несколько мрачноватом зале Конклава Академии.

– Я теряюсь в догадках, милорды. Мы засекли мощный всплеск, мощное возмущение Силы, но не можем пока связать или хоть как-то проассоциировать это с тем или иным действующим началом, с тем или иным артефактом, сообществом колдунов или магическим орденом. Вы что-то хотите сказать, мастер Нэами?

– Да, милорд ректор. Милорды, почему здесь столь упорно отвергается мысль о том, что мы столкнулись наконец с пробудившимся Храмом? Почему мы ищем столь экзотические объяснения – мэтр Фалеа с кафедры Иномирья, как известно, предположил, что Академия имеет дело с пришельцем из иного мира, – и отвергаем простые, куда более вероятные объяснения? Разве тот же мэтр Фалеа – да и вы, милорд Эсона, – разве вы не доказали изолированность, магическую замкнутость нашего мира, нашей реальности?..

– Милорд ректор, разрешите мне!..

– Прошу вас, милорд Эсона.

– Мастер Нэами, милорды деканы, мой факультет Мегамира, как известно, давно разрабатывал сугубо условную мо-

дель множественности магических реальностей. Как известно, мэтр Фалеа сделал предположение, что появившийся на Северном Клыке человек каким-то образом преодолел порог...

– Который, как известно, носит имя Эсона – Фалеа, милорд декан...

– Благодарю вас, милорд ректор... Каким-то образом преодолел порог, сам будучи Извне. Вы хорошо понимаете, милорды, весь глобальный характер такого открытия, если только это будет подтверждено. Несмотря на то что имеющиеся данные в корне противоречат всем нашим расчётам и теориям, я бы всё-таки не стал сбрасывать со счетов это предположение, сколь бы невероятным оно вам ни казалось.

– Но почему?! Только оттого, что мы пока не нашли источника *в пределах* нашего мира?!

– Да, милорд Нэами. До тех пор, пока источник не найден, я предлагаю придерживаться этой точки зрения. Она слаба, она уязвима для критики – однако ничего лучшего пока не предложено. В этой связи я думаю, что наилучшим способом было бы принять данного субъекта к нам в Академию, выяснить его силы и способности... негласными мерами, разумеется.

– Милорд ректор!

– Прошу, вам слово, милорд Кевиа.

– Мне кажется, надо запросить хронистов. Кафедра архивистики, если мне не изменяет память, хвасталась, что спо-

собна найти прецедент к любому событию, и, мне кажется, сейчас самое время им показать, на что они способны. Особое внимание, я считаю, следует уделить пророчествам Властелина...

– Тише, тише, милорды! У нас как-никак Конклав, а не рыбный базар!.. Милорд Кевиа, вы считаете...

– Простите, что перебиваю, милорд ректор, но, мне кажется, обстоятельства появления этого существа заставляют вспомнить самые древние Анналы Тьмы. Да, да, милорды, я понимаю, почему вы молчите. Это именно то, существование чего мы дружно отрицали вслух, а про себя думали – хорошо бы это случилось не при нас. Так вот, мне кажется, пора посмотреть правде в глаза. Тьма проснулась и идёт на нас.

Глава первая

Академия высокого волшебства

Если пройти насквозь всю славную Империю Эбин, оставить по левую руку невысокие, заросшие непроходимыми вечнозелёными лесами Козьи горы и миновать мелкие герцогства Изгиба, их благодатные оливковые рощи, ухоженные поля, лишь изредка перемежающиеся прозрачными кипарисовыми рощами, то по истечении шести дней пути от южной имперской границы, когда дорога сменит направление с полуденного на закатное, взору странника явится преудивительное зрелище.

С севера на юг, пересекая узкий здесь полуостров, тянется полоса высаженных в строгом порядке эвкалиптов. Громадным деревьям уже минуло никак не меньше тысячи лет, однако старости они не подвластны, их ветви с годами лишь поднимаются ещё выше к жаркому в этих краях солнцу. Но не эта полоса деревьев заставит странника, кем бы он ни был – грубым наёмником, набожным монахом, многоумным книжником или утончённым аристократом, – замереть от изумления и восторга, смешанного с некоторым страхом.

Сразу же за живой эвкалиптовой стеной поднимается другая, в десять человеческих ростов, стена, сотканная из разноцветного, искристого, прозрачного пламени, многолико-

го, постоянно меняющего и цвета и формы, оборачивающегося то хлопьями пышащих жаром снежинок, то упругими слитными вихрями, то сполохами алых пятен на голубом фоне, то россыпью полевых цветов или же иным узором, какой благоугодно будет принять этой магической преграде. Собственно, никакого вреда никому это пламя не принесло – единственная дорога, что вела к Академии, проходила через исполинские, пламенем же и образованные арчатые ворота, и любой мог пройти невозбранно, лишь уплатив небольшую пошлину за право глазеть на имевшиеся тут в изобилии чудеса, – однако за долгие века отчего-то никто не осмелился пройти *сквозь* это пламя, несмотря на то что, если даже сунуть в него пук соломы, он ни за что не вспыхнет, скорее отвалится держащая его рука.

Если же чинно-благородно направиться во владения чародеев открытым для всех путём, то, внося свою пеню серебром, путник меньше чем за день добрался бы до того самого знаменитого Ордоса, города магов и волшебников, замершего на самом краю полуострова, на его крайней западной точке, на врезавшемся в пенное тело Моря Надежд чёрном каменном клинке коренной матёрой скалы, неведомо какими силами подъятой из недр в забытые времена самым первым Магом, да, да, именно тем, чьё имя запрещено поминать всуе. Он один тогда принял благословение от Спасителя, склонился перед ним и признал его Божественность. Почему и выжил, в то время как остальных, безбожных волхо-

вателей и чаровниц, Спаситель навеки проклял, плюнув под нечестивые ноги их, не достойные даже касаться плоти матери-Земли. И после того проклятия безбожных и не стало – хотя все последующие поколения магов слыли вольнодумцами, чуть ли не еретиками; теократы Аркина, земли, где очеловечился Спаситель и где с того времени Его именем правили Архипрелаты – теократы Аркина и Святая Инквизиция, давно уже точили на магов зубы, но сделать ничего не могли: без магов и чародеев человек едва ли смог бы выжить в том негостеприимном мире, куда Спасителю угодно было поместить возлюбленных чад своих, дабы они раскаялись в первородном грехе пращуров. Когда же все, *все* как один раскаются и отрекутся от зла в сердцах своих, обещал Спаситель явиться вновь и забрать своих детей в иной, куда более благостный мир, где они и будут пребывать вечно, не зная ни трудов, ни болезней, ни смерти.

Город Ордос воздвигся на голой скале, так что первопоселенцам приходилось даже воду таскать на собственных спинах из расположенных далеко внизу источников; однако потом за дело взялась магия, и всё вокруг изменилось – как и положено, по волшебству. Из чёрной непроницаемой скалы забили ключи, на бесплодных камнях расцвели невиданные деревья, вознеслись прихотливые особняки и башенки, зазеленели парки; однако в самом центре Ордоса его хозяева оставили широкую площадь. Здесь, не тронутая ни заступами строителей, ни посохом волшебника, по-прежнему гор-

до и угрюмо чернела та самая изначальная плоть скалы, на которой и воздвигся в своё время город, чёрная плоть, почти повсеместно исчезнувшая под зеленью садов, изящными мозаиками мраморных мостовых и, разумеется, роскошными дворцами.

Чёрный цвет древней скалы, помимо прочего, служил и вечным напоминанием молодым ученикам, подмастерьям и даже мастерам, что первичной субстанцией этого грешного, тварного мира была Тьма, вечная, неизменная, неистребимая и враждебная всем тем, кто дерзает потревожить Её покой. Никогда об этом не должен забывать ни один из носящих жезл Ученика, короткий посох Подмастерья или же полноразмерный – Мага.

На чёрной площади не устраивалось ни шумных торжищ, ни торжеств – люди обходили её стороной, и даже чародеи, даже профессора и приват-доценты Академии во всякое время года пользовались иными путями. На саму площадь выходил парадный фасад главного корпуса Академии, высокая трёхстворчатая арка входа с вечно запертыми железными воротами, изукрашенными причудливой чеканкой и литыми барельефами; ворота эти открывались только один раз в году, в первый день месяца сентября, когда наступал День учеников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.